

А. С. Яненко

МУЗЕЙНАЯ АРХЕОЛОГИЯ СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ 1920-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг.: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

В статье предложена периодизация музейной археологии советской Украины 1920-х — первой половины 1930-х гг. Рассмотрены изменения акцентов в научно-исследовательской работе музеев, трансформация в методологических подходах археологов-музейщиков, изменения в административно-территориальном подчинении музейных учреждений, смена источников финансирования музейных институций.

К л ю ч е в ы е с л о в а: музейная археология, периодизация, советская Украина, музейная парадигма.

Музейная археология — характерный вид научно-исследовательской деятельности музеев, который предусматривает проведение полевых археологических исследований при активном участии музейных сотрудников, лабораторно-камеральную обработку полученных материалов, введение их в научный оборот, использование в экспозиционной деятельности музейного учреждения [Пудовкіна, 2010]. Музейная археология советской Украины 1920-х — первой половины 1930-х гг. является существенной составляющей общей массы отечественных археологических исследований указанного периода.

Первые попытки выделить музейную археологию в контексте истории археологического знания были предприняты в послевоенные годы. И.Г. Шовколяс, акцентируя внимание на археологических достижениях внеакадемических учреждений УССР, обращает внимание на деятельность ряда государственных, областных и районных музеев [Шовкопляс, 1969]. В.Ф. Генинг указывает, что «основными центрами, вокруг которых сосредоточивались краеведческие работы на местах, в том числе охрана и обследование

археологических памятников, в 20—30-х гг. становятся краеведческие музеи» [Генинг, 1982, с. 47]. П.П. Куринной приводит перечень музейных институций, которые принимали участие в полевых археологических исследованиях, особое внимание обращая на деятельность директора Днепропетровского музея Д.И. Яворницкого и Днепропетровской археологической экспедиции НКЮ УССР, участие в которой принимали музейные сотрудники [Куринний, 1970]. После длительного перерыва интерес к музейной археологии 1920-х гг. возобновился в научных исследованиях современных ученых. Различным аспектам археологической деятельности музейных учреждений посвящены работы Е.Е. Черненко [Черненко, 2007], С.П. Шевчук [Шевчук, 1999], М.В. Потупчика, М. Е. Потупчик [Потупчик, 2010] и др. Однако существующие работы, богатые изложением фактов истории отдельных музейных учреждений или/и археологических студий отдельных музейщиков, вместе с тем, не рассматривают музейную археологию советской Украины 1920-х — первой половины 1930-х гг. как целостное явление, в развитии которого можно выделить определенные этапы.

Целью данного исследования является выделение основных этапов развития музейной археологии УССР 1920-х — первой половины 1930-х гг.

Главным критерием периодизации развития музейной археологии советской Украины целесообразно считать количественное и качественное состояние археологических исследований, проводимых при участии музейных сотрудников.

Первый период — 1919—1923 гг. — это этап реорганизации, становления и организации музейных центров региональной археологии. Период характеризуется единичными полевыми работами, которые проводились,

главным образом, музеями дореволюционной эпохи. Подавляющее большинство музеев Украины в это время занималось «собираТЕЛЬСТВОМ» культурных ценностей, в частности помещичьих коллекций, полученных в наследство от царской России. Главным лозунгом периода правомерно считать: «спасти и сохранить». Согласно этому музей понимался как место сосредоточения всех возможных культурных ценностей, что полностью соответствовало ситуации политической нестабильности и частой смены власти.

Федор Иванович Шмит — выдающийся историк, теоретик искусства и музейный деятель 1920-х гг. в книге «Исторические, этнографические, художественные музеи. Очерк истории и теории музейного дела», опубликованной в 1919 г., отмечал: «...в музеях скапливаются вещественные остатки прошлого — подлинные документы для истории искусств и быта <...> Кому такие документы нужны? Бесспорно: ученым специалистам. Это общепризнано. Поэтому при больших музеях обыкновенно существуют ученые хранители, задача которых заключается в систематизации музейных собраний и в разработке научно-ценного материала. Некоторые музеи — те, в которых такого материала очень много, — стали особыми учеными учреждениями <...> Мы сейчас переживаем момент стихийного наплыва вещей в уже существующие музеи и стихийного же образования новых музеев» [Шмит, 1919, с. 34].

Содержание этого этапа ярко охарактеризовано в отчетах директоров Херсонского и Днепропетровского историко-археологических музеев. В.И. Гошкевич отмечал: «... в первый период революции (до 1920 года) музей хоть и не обладал денежными средствами, но много пополнялся за счет сдаваемых ему на хранение частными лицами и передаваемыми советскими организациями предметами <...>. В 1920—1922 гг. исключительно тяжелые условия, в коих находился Херсон — неслыханный голод и прифронтовое положение, в связи с болезнью Гошкевич остался без помощников и сотрудников, ибо все либо разбежались, либо спасали себя от голода и холода, свели деятельность Музея исключительно к охранной функции. Какие бы то ни было операции стали немислимы кроме демонстрации...» [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 2, д. 1211, л. 32—36 об.]. Д.И. Яворницкий в отчете указывал: «...в период 1917—1922 гг. научная работа не велась, директор и сторож пытались спасти то, что было. В сентябре месяца 1922 г. музей был оборван, взяли самые ценные вещи. Только с начала 1923 г. музей определенно находится в ведении Екатеринославского губполитпросвета, откуда получая на существование средства и соответствующее руководство...» [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 6, д. 3418, л. 25].

Характеризуя состояние музейной сети в начале 1920-х гг. народный комиссар просвещения В.П. Затонский констатировал: «За период

революции с великим трудом с усіх куточків України у губернські та повітові музеї були стягнуті матеріали, що характеризують історію, побут, мистецтво, промисловість, природничі багатства України, вони становлять колосальну культурну цінність. За останній час музеї прийшли в занепад, будівлі почали руйнуватися, почали відбуватися крадіжки музейного майна... У даний час становище музеїв України доводиться визнати важким (крайне). Підтримки зі сторони місцевих керівних органів, що мали б бути найбільш зацікавленими у їх нормальному існуванні, музеї не зустрічають: будівлі не ремонтуються, штати недостатні, майже не оплачуються, охорони немає...» [ЦГАВО України, ф. 166, оп. 3, д. 55].

В отчетных данных о деятельности Научного комитета НКО УССР за 1922/1923 бюджетный год сообщается, что научные музеи Украины в это время могли только сохранять свое имущество и все силы сокращенного второго персонала шли на борьбу с бедами «переходного» времени — воровством, бандитизмом, разрушением зданий музеев и т.п. В частности, сообщается, что заведующий Одесским историко-археологическим музеем вел систематическую борьбу с «бандитами», в Киевском музее искусств шла интенсивная работа под угрозой обвала потолка и потоками воды, которая лилась сквозь стеклянную крышу, Каменец-Подольский музей стоял без единого стекла, окна были заколочены досками, и работа сводилась к перемещению коллекций из мест, которые находились под угрозой осыпания штукатурки, в более безопасные т.д. [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 2, д. 1156, л. 20].

Систематическим археологическим исследованиям Украины в течение 1919—1923 гг. препятствовало недостаточное финансовое обеспечение музейных учреждений, что в свою очередь было связано с постоянным изменением «административного музейного центра» — органов власти, в ведении которых находились вопросы охраны памятников старины и искусства.

В начале января 1919 г. был создан Отдел искусств, который должен был пропагандировать искусство среди широкой общественности и решать вопросы сохранения культурных ценностей [Маньковська, 2000, с. 40]. По инициативе заведующего комитетом изобразительного искусства НКО УССР В.Г. Вольского 27 января 1919 г. на заседании Отдела искусств было принято решение о создании специального органа, который должен был руководить работой по сохранению памятников старины — Комитета охраны памятников старины и искусства. Первое заседание Комитета состоялось 4 февраля 1919 г. Председателем комитета стал художник Н.Е. Дадькин, членами — искусствоведы Ф.И. Шмит и С.А. Таранушенко [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 1, д. 681, л. 48].

14 февраля 1919 г. состоялось совместное заседание Комитета охраны памятников старины и

искусства и Комитета изобразительного искусства при Всеукраинском отделе искусств, на котором было принято решение о разграничении функций в области музейного дела. Все музеи были условно разделены на художественные, которые должны были демонстрировать «новые пути художественного творчества», и художественно-исторические, отражающие «историческое развитие искусства». Художественные музеи подчинялись Комитету изобразительного искусства, художественно-исторические — Комитету охраны памятников старины и искусства [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 1, д. 681, л. 34].

В конце февраля 1919 г. Комитет охраны памятников старины и искусства приобрел статус Всеукраинского и согласно положению состоял из 5 секций: музейной (председатель Ф.И. Шмит), архитектурной (С.А. Таранушенко), архивно-библиотечной (В.А. Барвинский), археологической (А.С. Федоровский) и этнографической. Работа музейной секции в 1919 г. заключалась в контроле за вывозом за границу и внутренней торговлей предметами культурного значения, памятниками искусства и старины, учете частных коллекций, передаче наиболее ценных из них в общий Музейный фонд, создании новых музеев, популяризации исторических и художественных знаний среди населения [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 1, д. 680, л. 13—14 об.].

Деятельность ВУКОПИС была прервана боевыми действиями, которые велись войсками Деникина и Петлюры на территории Украины. После восстановления советской власти, с начала 1920 г. в губерниях начали восстанавливаться ГубКОПИС, а в конце того же 1920 г. в Киеве был восстановлен ВУКОПИС [Жуков, 1989, с. 264—265].

13 июля 1921 г. из ВУКОПИС был выделен Главмузей — самостоятельное Главное управление по делам музеев, охраны памятников искусства, старины и природы при Комиссариате просвещения республики [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 2, д. 16, л. 22].

В структуре Главмузея были созданы три отдела: музейный (с подотделами экскурсионным, музееведения, музейно-техническим, учета и распределения Музейного фонда), регистрации и охраны памятников старины и искусства (с подотделами архитектурно-монументальным, охраны памятников природы, археологическим, этнографическим), а также научный (с комиссиями археологической, этнографической, по изучению античных памятников в Украине, по изучению украинского крестьянского зодчества). Общее руководство Главным управлением по делам музеев, охраны памятников искусства, старины и природы осуществляли К.М. Дешевов и П.Г. Ковалевский.

Главмузей ставил перед собой следующие задачи в области музейного дела и охраны памятников: общее руководство 27 крупными государственными музеями, создание общегосударственного

музейного фонда, регистрация и учет памятников музейного значения, содействие улучшению технико-инвентарного обеспечения музейных учреждений Украины, субсидирование научных работ по археологии, истории и искусствоведению, проведение раскопок в Ольвии и различных археологических «экскурсий»-исследований, осуществление обмеров и исследования архитектурных памятников, приобретение частных коллекций, подготовка музейных специалистов, пропаганда музейного дела и организация съездов работников музейного дела [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 3, д. 413, л. 9]. Однако выполнить поставленные задачи структура так и не смогла, что вызвало дальнейшие преобразования в подчиненности музейных учреждений советской Украины.

С 1922 г. музеи Украины были разделены и подчинены разным учреждениям — Научному комитету Главпрофобра (со временем Научный комитет был переименован в Управление научными учреждениями — Укрнауку), музейно-экскурсионно-выставочной секции Главполитпросвета, Институтам народного образования (ИНО) и др. По данным В.В. Дубровского из 18 государственных музеев, существовавших в 1925 г. — 9 находились в ведении Укрнауки, 9 — Главполитпросвета, часть музеев оставалась при институтах народного образования: археологический музей при Киевском ИНО; палеонтологический — при Одесском ИНО; антрополого-географический — при Харьковском ИНО т.д. [Дубровський, 2007].

Второй период развития музейной археологии УССР — расцвет полевой музейной археологии (1924—1930 гг.) — время, когда большинство музеев проводили разведки/реставрации и раскопки. Политический курс коренизации (украинизации) способствовал расцвету краеведческого движения, в рамках которого возрос интерес к археологическим исследованиям регионов. По мнению М.С. Грушевского, которое он высказал на Киевской сессии Укрнауки 23—28 января 1926 г., Укрнаука и правительство в целом в то время не намерены были централизовать культурную жизнь Украины так, как российское правительство сделало это в Петрограде. Напротив, власть представляла себе Украину как страну с четырьмя сильными культурными центрами — Киевом, Харьковом, Екатеринославом и Одессой и пыталась равномерно предоставлять им культурные средства [Грушевський, 1926, с. 3]. М.И. Яворский, заместитель председателя Укрнауки, в своем выступлении на указанной сессии констатировал чрезвычайно активное и относительно стихийное научное движение на «сдвинутой революцией почве» Украины, а также подчеркнул, что между этим «спонтанным» научным движением и политикой советского правительства нет никаких различий, объективные условия направляют научную работу в русло советского строительства, независимо от индивидуальной идеологии и настроений научных

работников, «нет необходимости и каких-либо специальных мероприятий по отбору полезных от бесполезных работников с точки зрения советской политики: всякая научная сила нужна и находит свое приложение в нынешних условиях советского строительства» [Грушевский, 1926, с. 6]. Социально-экономическая стабилизация в советской Украине создала условия для пересмотра основных функций музея, произошла смена музейной парадигмы. «Музей-хранилище» превратился в музей — научно-исследовательское и образовательное учреждение.

Николай Васильевич Шарлемань — выдающийся биолог и член экскурсионно-выставочно-музейной секции Главполитпросвета, отмечал: «большинство существующих на Украине музеев преследуют не только популяризаторские цели, но и научные, накапливая материал для специальных исследований... В провинции — музеи этого типа выполняют огромную работу. Они являются своего рода маленькими академиями, в которых сосредотачивается зачастую вся работа по обследованию местной природы на Украине» [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 1, д. 780, л. 7]. Эти слова правомерно распространить не только на природоведческие, но и на историко-археологические исследования регионов.

Михаил Григорьевич Криворотченко, организатор и председатель Украинского комитета краеведения, определял музей середины 1920-х гг. как «свободный научный институт» [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 1, д. 704, л. 3].

Исчерпывающую характеристику музею как учреждению дал Василий Васильевич Дубровский, историк, лингвист и заведующий музейно-библиотечной секцией Управления научными учреждениями УССР в 1920-х гг. [Ясь, 2004]: «современный музей состоит из трех взаимообусловленных элементов: 1) собраний памятников культуры или природы, научно подобранных и научно представляемых; 2) квалифицированных в той или иной научной области сотрудников и 3) их работы, как научно-исследовательской так и политпросветительской <...>. Научные знания и носители этих знаний, это база для всякой настоящей музейной работы. Музеи являются научными учреждениями и <...> «интегральность» образовательного использования музеев только один из прикладных последствий этой основной научной работы в музее <...>. Пользуясь этим термином [музей], понимаем под этим такое образовательное учреждение, которое научно собирает, систематизирует, сохраняет, изучает, публикует и экспонирует для широкой популяризации памятники материальной культуры и природы <...>. Первый характерный признак музейной работы — сбор и систематизация по научным принципам памятников культуры и природы» [Дубровский, 2007].

Конкретизируя содержание и методы работы музеев, В.В. Дубровский отмечал, что направления деятельности музея определяются задачами,

возложенными на него как на государственную советскую институцию. По словам В.В. Дубровского, музеи по своей сути: а) государственные хранилища памятников материальной культуры и природы; б) научно-исследовательские учреждения, которые должны проводить исследования этих памятников и готовить новые кадры квалифицированных музейных работников; в) образовательные учреждения, которые распространяют среди трудящихся знания путем политпросветительской деятельности. Первая функция музеев предусматривала хранение, консервацию, регистрацию и экспозицию памятников (научно-технические работы). Вторая функция состояла из индивидуальных и коллективных (экспедиционных) научно-исследовательских работ, научно-издательской деятельности, подготовки путем аспирантуры новых музейных сотрудников. Третья функция выполнялась различными политпросветительскими мероприятиями (поясняющие надписи, экскурсии, публичные лекции, кружки друзей музея, популярные издания и др.). В.В. Дубровский отмечал, что в процессе музейного строительства начала 1920-х гг. объективные обстоятельства не позволяли соответствующим образом развернуть научно-исследовательскую и научно-техническую деятельность музеев УССР. Со второй половины 1920-х гг., во время всеобщего подъема научной работы в Украине, появилась необходимость обратить внимание на повышение научно-исследовательской музейной работы, в которой нужно особо отметить научные экспедиции музеев и их издательскую деятельность [НА ИА НАНУ, ф. ВУАК, д. 79, л. 19].

Особого внимания заслуживают материалы музейного совещания 1928 г., которое состоялось в Киеве [НА ИА НАНУ, ф. 10, д. 11, л. 84—116; ИР НБУВ, ф. 70, д. 246]. Ведущие сотрудники музейных учреждений и управленческих структур (Главполитпросвета, Укрнауки) в докладах, тезисах, протоколах пленумов совещания конкретизировали содержание понятия музей, его задачи, типы музейных учреждений, место музеев в системе НКО УССР. Библиотеки, архивы, музеи, лаборатории, исследовательские станции признавались базой всей научной работы, всей образовательной системы УССР. «Они [вышеупомянутые учреждения] в первую очередь используются учеными для получения научных выводов. Эти выводы различными путями, а в первую очередь, через систему образования, становятся факторами воспитания и просвещения...» [НА ИА НАНУ, ф. 10, д. 11, л. 91 об.].

Музеи должны были обеспечивать ключевую базу научных исследований путем, прежде всего, систематизации материалов и введения их в научный оборот.

Подобная трактовка значения музея и основных направлений его деятельности стала важной основой для развития археологической науки в стенах музейных учреждений УССР. Научные исследования в области археологии этого времени,

основывались на позитивистской методологической платформе и были представлены двумя подходами — гуманитарным/историческим и природоведческим/антропологическим [Платонова, 2010, с. 42].

Смена акцентов в работе музейных учреждений и стабилизация музейной политики в УССР не в последнюю очередь зависела от преодоления административной раздробленности подчинения музеев. Знаковым стало постановление ВУЦИК и СНК УССР от 1 апреля 1925 г., реорганизовавшее Народный комиссариат просвещения УССР [Омельченко, 1975, с. 122]. Административное управление музеями возлагалось на Управление научными учреждениями НКО УССР (Укрнаука). Однако процесс перехода музеев в подчинение Укрнауки был нелегким. Отсутствие принципиальной разницы в составе и работе двух категорий музеев (подчиненных Главполитпросвету и Укрнауке) и, вместе с тем, разобщенность, не дававшая возможности спланировать их работу по охране памятников материальной культуры и природы и по проведению научных исследований, заставили поставить вопрос об объединении всех музеев в едином ведомстве Укрнауки. Вопрос об унификации подчинения всех музеев в УССР окончательно был решен лишь 28 сентября 1926 г. коллегией НКО, которая постановила передать руководство всей музейной работой Управлению научными учреждениями: «Констатируя определенный параллелизм в управлении музеями между Управлением научными учреждениями и Укрполитпросветом, который плохо отражается на музейной работе, коллегия НКО признает необходимым управление всей музейной работой УССР передать Управлению научными учреждениями со всеми сотрудниками, которые работают в музейном отделе Укрполитпросвета. Заведывание музейным делом в Управление научными учреждениями возложить на т. Криворотченко» [Дубровський, 2007].

Передача музеев Украины в подчинение Укрнауки положительно отразилась на научно-исследовательской работе музейных учреждений. В частности, значительно улучшилось финансирование учреждений [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 3, д. 1166, л. 291]. Появилась возможность преодолеть препятствия «нормального субсидирования археолого-исследовательских работ» путем составления долгосрочного плана историко-археологических исследований в масштабе УССР [НА ИА НАНУ, ф. ВУАК, д. 79, л. 18].

Третий период развития музейной археологии советской Украины — сворачивание археологической деятельности музеев из-за наступления на национальную науку, внедрение жесткой политики централизации в научной сфере, массовые репрессии археологов-музейщиков, уничтожение очагов краеведения (1930—1934 гг.).

Тоталитарная государственная система, набирая силу, ради гипертрофированной

централизации стала на путь бескомпромиссного свертывания и/или ликвидации многих национально-республиканских центров науки и культуры. Не были исключением и музеи УССР. На этом этапе единичные музейные учреждения «по инерции» проводили археологические исследования, главным образом, археологически действенными оставались историко-археологические музеи всеукраинского/государственного значения (Одесский, Харьковский, Херсонский историко-археологические музеи).

Существенного изменения претерпела музейная политика, была разработана новая концепция музея. Знаковым событием в этом процессе стал Первый всесоюзный музейный съезд, который состоялся в 1931 г. Это событие знаменовало собой «великий перелом» в музейной политике. По словам Ивана Капитоновича Луппола — профессора кафедры исторического материализма этнографического факультета Московского государственного университета (1925—1931 гг.), а затем профессора кафедры и заведующего кафедрой марксистско-ленинской философии Института красной профессуры (1925—1938 гг.), — в течение ряда лет «революция не стучалась в двери старых музеев», она проходила мимо, создавая новые музеи, право на существование которых было завоевано в октябре 1917 г.: музеи историко-революционные, историко-партийные, антирелигиозные и некоторые другие, а музеи, учрежденные в дореволюционное время, оставались в большинстве случаев кунсткамерами, «кладбищами монументов», коллекциями редкостей, эстетскими галереями, которые ничего не говорили о классовой борьбе, борьбе за социализм, о социалистическом строительстве [Луппол, 1931].

Задачей нового музея должно было стать освещение в экспозиции успехов и недостатков социалистического строительства (промышленности, сельского хозяйства и культуры). В соответствие с этой задачей началась активная борьба со «старым, традиционным, идеалистическим», осуждались формалистические методы, «музейная латынь». Особое внимание уделялось популяризации новых заводов, новых отраслей производства, музеи вовлекались в исследовательскую работу по изучению производительных сил, сырьевых ресурсов края, их рационального использования. Экспозиции музеев перестраивались по формационному принципу [Итоги, 1932].

Все вышеупомянутые факторы, по существу, привели к кардинальным изменениям в научно-исследовательской работе музеев в области археологии, которая была объявлена «враждебным вещеведением», «формализмом» и т.д. Попытка перехода на «новые марксистско-ленинские рельсы научно-исследовательской работы», началась с борьбы со «старыми методами буржуазной предреволюционной работы». Прежде всего, перелом начался на методологическом «фронте»,

развернулась «борьба с типологическим методом, эклектизмом и т.д., исходя из принципов марксо-ленинской науки» [Козловська, 1931].

Преобразование музеев в «подсобное орудие революции» предусматривало также изменение состава сотрудников. В журнале «Советский музей», в частности, отмечалось: «...раз и навсегда надо всем музейным работникам твердо усвоить, что научно-исследовательское и политико-просветительное учреждение, каким является музей в условиях строительства социализма, не может строиться научными работниками, не овладевшими учением Маркса — Ленина. Еще на первом съезде музеев мы указывали, что марксистские музеи нельзя строить немарксистскими руками, а тем более антимарксистскими» [XVII партсъезд, 1934].

В реалиях музейной жизни первой половины 1930-х гг. замена старых сотрудников реализовывалась путем «бескровных» репрессий — травля в прессе, увольнения с работы, постоянные реорганизации и прекращение деятельности научных учреждений, изменение тематики научных исследований с гуманитарных на природоведческие и/или технические, идеологизация научных исследований, принуждение к публичному обвинению себя и своих коллег в контрреволюционной или вредительской деятельности, лишение возможности заниматься научной работой, уничтожение уже опубликованных или подготовленных к изданию трудов, отказ в публикации научных работ, компрометация доброго имени в науке и т.д. [Бонь, 2007, с. 123]. Кадровые изменения, постоянные проверки Рабоче-крестьянской инспектуры стали обычным явлением музейной жизни УССР начала 1930-х гг. [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 9, д. 1501].

По мнению членов Коллегии НКО, вначале 1930-х гг. музейная работа в Украине уже пережила период приспособления старых музеев к новым советским условиям и вступила в период своей реконструкции, активного участия в социалистическом строительстве. Состояние музейного дела вместе с тем характеризовалось не только хаосом и стихийностью структуры, но и не меньшим «хаосом экспедиционного материала»: в своем большинстве, по мнению советских функционеров, он был случайным, бессистемным, отражал «вкусы собирателей» и при количественном богатстве не давал возможности освещать в экспозициях процессы, эпоху, общественно-экономические формации системно. Внутренняя структура определялась как устаревшая, формалистическая и построенная по принципам внешнего признака и происхождения вещей (археология, нумизматика, этнография), «вещь говорила за себя, а не за ту эпоху или процессы, которые ее создали», экспозиции музеев почти совершенно не отражали классовой борьбы в обществе. Чиновники также отметили, что имеющиеся кадры музейных работников принадлежали в основном к наименее вовлеченным в повседневный процесс

социалистического строительства и поэтому лишь незначительно отвечают требованиям музейной работы на этапе развернутого социального строительства, а часть музейщиков использовала учреждения для «идеологически вредной работы».

Вместе с тем, на заседании Коллегии НКО УССР в 1931 г. были отмечены и «положительные» сдвиги в музейной работе в Украине, связанные с решениями Первого всесоюзного музейного съезда. В частности, появлялись попытки применить «марксистский метод» в экспозиции, которая бы отвечала на злободневные нужды, устройства выставок антирелигиозных, посевных, уборочных, коллективизации, музеи начали проводить экспедиции, направленные на изучение не только прошлого, но и современного: геологические, изучение изменений в хозяйстве и быту, вызванных индустриализацией и коллективизацией, изучение производственных сил. Для налаживания музейного дела в Украине Коллегия НКО постановила: «в условиях социалистической реконструкции промышленности и социалистической коллективизации, ликвидации на этой базе кулака как класса; в условиях развернутого наступления по всему фронту и этим вызванного упрямого сопротивления, которое оказывают социалистическому строительству классово-раждебные пролетариату элементы, опираясь на поддержку своего капитала; в условиях развернутой культурной революции — музеи должны стать активным фактором этого строительства, мобилизуя, обучая, организуя и поднимая массы на борьбу со всеми препятствиями социалистическому строительству. В дальнейшем <...> необходимо независимо от того, кому музеи подчинены, формировать их по функциональному принципу по трем типам: производительных сил, социально-экономические, краеведческие». Исторические («музеи общественных формаций в развернутом виде») входили в группу социально-экономических музеев и должны были строить свои экспозиции «по общественным формациям, включая социалистический строй, заостряя внимание на классовой борьбе, как главном факторе исторического процесса» [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 10, д. 43, л. 35—38].

Яркой иллюстрацией процесса перестройки музея можно считать события, произошедшие на Мелитопольщине. Археологическая деятельность Мелитопольского музея краеведения, основанного 1 мая 1921 г. [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 6, д. 172, л. 253], связана с именем Демьяна Яковлевича Сердюкова, который с момента основания до 1930 г. занимал должность заведующего музеем. Осуществлялась она, главным образом, в двух направлениях: выезд на места случайных находок и шурфование/раскопки разновременных курганов. Все полевые археологические достижения музея относятся ко второй половине 20-х годов. Однако уже в начале 1930 г. Д. Я. Сердюков был снят с должности, а научно-исследовательская работа музея претерпела существенные

изменения. В частности, ведущей задачей музея в 1931 г. стало участие в посевной компании: «... Мелитопольский музей, исходя из определенных материальных возможностей, распространяет свою постоянную сельскохозяйственную выставку, расширяет подотдел реконструкции сельского хозяйства на Мелитопольщине <...> 1931 год — третий год пятилетки — будет иметь решающее значение в борьбе за завершение фундамента социалистической экономики. Главное наступление будет идти по линии сельского хозяйства и будет направлено на выполнение декабрьского постановления пленума ЦК КПБ(у) о коллективизации. В этом наступлении решающее значение будет иметь весенняя посевная компания... Музеи и библиотеки должны в этой весенней кампании принять активное участие, широко популяризируя ее среди населения, возбуждая активность масс, так для лучшего проведения этой компании, как и для выполнения всех ее задач...» [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 10, д. 559, л. 413—414]. Подобная резкая смена направлений научно-исследовательской и культурно-образовательной деятельности была присуща почти всем краеведческим музеям УССР начала 1930-х гг.

Значительный удар по музейной сети нанесла также очередная административная реформа 1930 г. Ликвидация округов привела к ухудшению условий работы музеев, вытеснению их в худшие помещения (Сталино, Каменец-Подольский, Белая Церковь, Сумы и др.), уменьшению финансирования и внимания, а также вызвала к жизни недопонимания относительно территории, на которую распространялась научная деятельность того или иного учреждения [ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 10, д. 43, л. 35].

Предложенная периодизация развития музейной археологии советской Украины 1920-х — первой половины 1930-х гг., в целом, соотносится с периодизацией развития краеведческого движения в УССР, разработанной В.С. Прокопчуком. В частности, организационный период музейной археологии УССР совпадает с периодом формирования организационных, материальных, кадровых предпосылок, идейно-теоретических и методологических основ краеведения советской эпохи. Период расцвета музейной археологии приходится на «звездные» годы бурного подъема краеведческого движения, увеличения количества краеведческих формирований и их членов, развертывания исследований, издания разнообразной краеведческой литературы. Репрессивная политика в музейной археологии начала 1930-х гг. присуща и отечественному краеведению в целом. Конец 20-х — начало 30-х гг. XX ст. стал рубежным и роковым для гуманитарной отечественной науки, «золотой век» региональных исследований завершился массовыми репрессиями [Прокопчук, 2009]. Параллели находим и между этапами развития музейной археологии УССР и периодизацией

истории русской советской археологии, предложенной А.А. Формозовым. Российский археолог и историк науки, используя социально-политические критерии, выделил следующие периоды: «революционной разрухи» (1917—1921 гг.), «передышка» эпохи нэпа (1921—1928 гг.), «разгром» (1929—1933 гг.) [Платонова, 2010, с. 31].

Таким образом, в развитии музейной археологии УССР выделяется три основных этапа. Первый период — становления и организации/реорганизации музейных учреждений как центров региональной археологии (1919—1923 гг.), полевые археологические исследования в этот период проводились, главным образом, музеями, созданными в дореволюционное время. Музей понимался как, в первую очередь, «хранилище». Второй этап — расцвет полевой музейной археологии (1924—1930 гг.), период, когда большинство музеев проводили разведки/раскопки. Музейная сеть была объединена в подчинение Укрнауки НК УССР, музей приобрел значение научно-исследовательского учреждения. Третий период — сворачивание археологической деятельности музеев советской Украины вследствие наступления на национальную науку, массовые репрессии археологов — музейщиков, уничтожение центров краеведения (1930—1934 гг.).

Дальнейшие исследования дадут возможность уточнить особенности развития музейной археологии Украины 1920-х — первой половины 1930-х гг. в отдельных регионах, проследить влияние организационных и социальных факторов на изменение хронологических границ периодов.

Бонь О.І. «... Методологія в мене не відповідає сучасним вимогам, зато мої знання їм необхідні» / О. І. Бонь // Сумська старовина. — 2007. — № XXI—XXII. — С. 123—131.

Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е — первая половина 30-х годов) / В. Ф. Генинг. — К., 1982. — 226 с.

Грушевський М.С. Перспективи і вимоги української науки (Київська сесія Укрнауки) // Україна. Науковий двохмісячник українознавства. — 1926. — Кн. 1. — С. 3—15.

Дубровський В.В. Чергові завдання сучасного музейного будівництва на Україні // Український музей. — Збірник 1: Репринтне видання 1927 року. — К., 2007. — С. 17—22.

Жуков Ю.Н. Становление и деятельность советских органов охраны памятников истории и культуры. 1917—1920 гг. / Ю. Н. Жуков. — М., 1989. — 304 с.

Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (ИР НБУВ) ф. 70, д. 246, 32 л.

Итоги XVII партконференции и задачи музейной работы // Советский музей. — 1932. — №2. — С. 3—7. Козловська В.Є. Нові напрямки в археологічній роботі Всеукраїнського археологічного комітету ВУАН у 1931 р. / В. Є. Козловська // Україна. Науковий двохмісячник українознавства. — 1932. — Кн. 1—2. — С. 193.

Курінний П.П. Історія археологічного знання про Україну / П. П. Курінний. — Мюнхен, 1970. — 140 с.

Луппол И.К. На путях перестройки / И. К. Луппол // Советский музей. — № 3. — 1931. — С. 4—10.

Маньковська Р.В. Музейництво в Україні / Р. В. Маньковська. — К., 2000. — 140 с.

Научный архив Института археологии НАН Украины (далее НА ИА НАНУ) ф. ВУАК, д. 79, 21 л. НА ИА НАНУ, ф. 10 (П. П. Куринной), д. 11, 136 л.

Омельченко Ю. А. Музейне будівництво на Україні в 1921—1945 рр. / Ю. А. Омельченко // Український історичний журнал. — 1975. — № 3. — С. 122—128.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века / Н. И. Платонова. — СПб., 2010. — 314 с.

Потупчик М. В. Археологічні дослідження на Вінниччині 20-х — першої половини 40-х років [Електронний ресурс] // М. В. Потупчик, М. Є. Потупчик. — Режим доступу: <http://muzey.vn.ua/node/198>. Доступ — 19.05.2010 р.

Прокопчук В.С. Інституціоналізація краєзнавчого руху Правобережної України 20-х років ХХ — початку ХХІ ст.: етапи, форми, напрями діяльності: автореф. дис... д-ра іст. наук / В.С. Прокопчук. — Чернівці, 2009. — 34 с.

Пудовкіна А.С. Музейна археологія Радянської України у 1920-х — першій половині 1930-х рр.: до постановки проблеми / А. С. Пудовкіна // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. — Х., 2010. — Вип. 13. — С. 206—214.

XVII партс'їзд і задачі музеєв // Советский музей. — 1934. — № 2. — С. 4—9.

Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВО Украины), ф. 166, оп. 1, д. 681, л. 53 об.—54.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 1, д. 680, л. 13—14 об.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 1, д. 704, л. 3.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 1, д. 780, л. 7.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 10, д. 43, л. 35—38.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 10, д. 559, л. 413—414.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 2, д. 1156, л. 20.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 2, д. 16, л. 22.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 3, д. 1166, л. 291.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 3, д. 413, л. 9.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 3, д. 55.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 6, д. 3418, л. 25.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 9, д. 1501.

ЦГАВО Украины, ф. 166, оп. 2, д. 1211, л. 32—36 об.

Черненко О.Є. Археологічна колекція Чернігівського історичного музею імені В.В. Тарновського (1896—1948 рр.) / О.Є. Черненко // Скарбниця української культури. — Вип. 9 (Спецвип. 1). — Чернівці, 2007. — 136 с.

Шевчук С.П. Археологічна діяльність краєзнавчих музеїв на Запоріжжі в 20—30 рр. / С. П. Шевчук // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. — 1999. — Т. VII. — С. 194—199.

Шмит Ф.И. Исторические, этнографические, художественные музеи. Очерк истории и теории музейного дела. — Х., 1919 — 103с.

Шовкопляс І.Г. Розвиток радянської археології на Україні (1917—1966). Бібліографія / І. Г. Шовкопляс. — К., 1969. — 344 с.

Ясь О.В. Дубровський Василь Васильович / О. В. Ясь // Енциклопедія історії України: Т. 2: Г-Д / Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. — К., 2004. — С. 489.

А. С. Яненко

МУЗЕЙНА АРХЕОЛОГІЯ
РАДЯНСЬКОЇ УКРАЇНИ
1920-х — ПЕРШОЇ ПОЛОВИНИ
1930-х рр.: ЕТАПИ РОЗВИТКУ

Стаття присвячена періодизації розвитку музейної археології радянської України 1920-х — першої половини 1930-х рр. Критерієм періодизації є кількісний і якісний стан археологічних досліджень, які проводились за участі музейних працівників. Розглянуті зміни акцентів у науково-дослідній роботі музеїв, трансформація у методологічних підходах археологів-музейників, зміни у адміністративно-територіальному підпорядкуванні музейних установ, зміна джерел фінансування музеїв. У розвитку музейної археології радянської України 1920-х — першої половини 1930-х рр. виділено три основні етапи. Перший період — становлення та організації/реорганізації музейних осередків як центрів регіональної археології (1919—1923 рр.). Другий період — розквіт польової музейної археології (1924—1930 рр.), час, коли більшість музеїв проводили розвідки, реконосцировки та розкопки. Третій період — згасання археологічної діяльності музеїв радянської України через наступ на національну науку, масові репресії археологів — працівників музею, знищення осередків краєзнавства (1930—1934 рр.).

A. Yanenko

THE MUSEUM ARCHAEOLOGY IN
SOVIET UKRAINE IN
1920s — FIRST HALF OF 1930s:
THE STEPS OF DEVELOPMENT

The article discusses the periodization of development of the Museum Archaeology in Soviet Ukraine in 1920s — first half of 1930s. The criterion of the periodization is quantitative and qualitative conditions of archaeological research conducting by museum staff. The changes of accents in research activity, transformations in methodological approaches of the Archaeological Museum, modifications in the administrative and territorial subordination of museum institutions, alterations of funding source of museums are examined. Three main periods are marked out in the development of museum archeology of the Soviet Ukraine in the 1920s — first half of 1930s. The first stage (1919—1923) reveals isolated instances of archaeological field investigation. The true blossoming of museum archaeology and museum archaeological investigation came during the second period (1924—1930). Museums became recognized as scientific research institutions. These flourishing investigations, however, were swiftly ended by the new policies of the Soviet government aimed at both changing the role of museums and the ideology of museum staff (the third period, 1930—1934). Escalation of attacks on national science, mass repressions of museum archaeologists, and the destruction of the local history study centers were government's tools.